

Известно: каждый народ формирует своё подрастающее поколение, особенно мужскую его часть, в духе уважения и заботы о поколении старшем. Это идёт издревле – так закладываются традиции народа, таким образом поддерживается добрая и крепкая связь

между людьми разных возрастов. Так укрепляется общество. Это – насущная потребность любого народа: выращивание нации, способной защитить себя и следующие поколения от любых новых испытаний. Так выковывались железные фаланги спартанцев, так мужала железная дисциплина викингов, совершенствовалось военное мастерство пруссов и древних бриттов, так взращивалась непобедимость в бою у русских витязей. Здесь истоки взращенной в боях и русской доблести.

Мы, поморы, имеем ко всему этому самое прямое отношение. Никогда не прятались мы от врага за спинами других воинов.

Но это — когда война, когда враг у порога. А у поморов вся жизнь — как война. Особенно в те давние годы, когда у природы приходилось отвоёвывать пропитание и каждый метр жизненного пространства, когда стоял вопрос о самой возможности существования людей в столь жёстких условиях.

Вся жизнь у моря непредсказуема, потому как непредсказуемо и само море. Оно во всякую минуту разное и ведёт себя словно изменчивая женщина. То оно ласкает своей умиротворенностью взор, баюкает ласковой волной, то крушит всё на своем пути. И близко к нему, свирепому, не подходи.

К общению с ним надо быть подготовленным. Для этого существует целая система, целая школа «мужицкого» воспитания. Мы сегодня поговорим именно о формировании мужчины, который понесёт мужские

обязанности. В чём суть этой школы — хотел бы я вам показать буквально на нескольких примерах.

На наших беломорских берегах у мальчиков не бывает беззаботного детства. Из него формируют мужчину с тех самых минут, когда он только начинает осознавать себя как члена семьи и общества. С трудом помню, как с момента, когда я только-только научился держать в руках «морскую» удочку, меня во время отлива повёл на песчаную косу мой дедушко Саня, где мы с ним накопили полбанки толстых и жирных морских червей. Я пытался ему помогать и требовал отдать мне большую совковую лопату. И он выполнил мою просьбу, но лопата оказалась неизмеримо тяжёлой, и я не справился с ней, она перетягивала меня, и я все время клевал носом. Неохотно я передал лопату дедушке Сане и заинтересованно ковырялся в песчаных кучках, выброшенных дедушкой на свет божий, собирал в консервную банку уползающих червей.

— Лезь-ко в банку, — говорил я червяку, — ревяка спымашь нам с дедушкой большиньского. — И червяк заговорщически улыбался мне со дна той банки.

В карбаске, сидя на противоположных банках с дедушкой Саней, я ничего не соображал, как и что надо делать, подглядывал. Никак не мог наживить червяка. Видя мои трудности, дедушка сам взялся мне помогать. Под его руководством червяка я всё же одолел.

— Ну-ко, Паша, перво-наперво глубину надо отмерить. Давай-ко

разматывай свою уду, пока жилка не ослабнет. Это значит — до дна ты достал.

Когда я выполнил все команды, он уселся передо мной на перевернутое ведро, стал сосредоточенно сопеть, подсказывал мне:

— Таперича давай, наманивай.

— Как, дедушко?

— Дрыгай кончиком уды. Надо штебы антерес у рыбы появилсе.

— Какой-такой?

— Дак равзе антересно наживку хватать, когда она не шевеличче совсем?

— А-а-а

— Вот тебе и а! Дрыгай давай!

Так мы сидели с ним и ловили ревяков. Дедушко поймал одиннадцать штук, которых вполне хватило на наваристую уху, а я вытащил только одного. Но до сих помню невероятный азарт от впечатлений: как рыба дернула мою удочку во время поклёвки, как я её тащил, как она в карбасе кусала меня за палец... Впрочем, последнего могло и не быть, это я сам, наверное, выдумал за давностью лет... Но реально состоялась та поездка с дорогим сердцу дедушкой. После первой рыбалки сердце навсегда привязалось к морским удочкам, червям, крючкам, ко всем занятиям, связанным с морем. Все это — благодаря моему дедушке Сане и моему отцу, привившим мне эти увлечения.

С самой ранней поры мальчиков приучали к постоянным занятиям, которые висели на них с неослабным постоянством. Например, брат Сергей должен был ежедневно забо-

титься о том, чтобы в доме постоянно была вода для всех хозяйственных нужд: для самовара, для поддержания чистоты в доме, для гигиены, для содержания скотины, для много чего другого. Сестра Маша поддерживала чистоту полов, кто-то занимался дровами, а Александр поддерживал в бане постоянное тепло, «подтапливал» печь, чтобы любой член семьи мог после работы умыться тело. Родители в очень редких случаях напоминали кому-нибудь о его обязанностях, о несделанной работе. Работа была сделана всегда, иначе кому-то будет стыдно, если его обязанности возложатся на другого.

Приучая к труду, родители старались повернуть дело так, чтобы за детьми были закреплены свои инструменты: косы, вилы, рубанки, топоры... Их легче искать, когда они лежат всегда в одном месте, положенные туда своим хозяином. Например, у меня была «своя» коса — горбуша, старинная, легкая, «укосистая», очень добротная срезающая траву в кулижных закоулках. Когда шли на сенокос на какую-нибудь лесную пожню, мою косу, зная её замечательные характеристики, кто-нибудь, как бы ненароком, пытался умыкнуть. Я грозно этому противостоял и неизменно отвоёвывал у кого бы то ни было. И моя коса благодарила меня: нежно обвивала мне шею, когда мы с ней куда-нибудь шли, и всегда была послушна мне. На моей персоне лежала ещё одна обязанность: нести из леса в дом всякую дичь и всякую рыбу. Поморы довольно чётко отделяют две основ-

ных разновидности местной рыбы — рыбу морскую и рыбу озёрную (речную). И почти всегда местные бабушки, особенно пожилого возраста, поев продолжительное время, например, морской рыбы, сказывают друг дружке:

— Чё-то я, дева, намаялась из моря рыбки ись. Хоче таперича свеженькой озёрной попробовать. Ску-усно ведь из озера-та!

И «заряжают» они под это благодарное дело какого-нибудь своего кума, свата или брата. Меня однажды, в году эдак 1962-м также «зарядили» родители. А дело было такое.

Стояли последние времена владычества самого бездарного правителя страны Никиты Хрущева (если не считать времён Горбачева). Государство изнывало от того, что по его дурацким указаниям всё делось шиворот-навыворот. Магазины стояли с абсолютно пустыми полками. Кроме старых рыбных консервов в них ничего не продавалось. Люди реально голодали. По стране было зафиксировано уже множество голодных смертей. Это всё было оттого, что прежняя система хозяйствования оказалась разрушенной, а новая не создана. Потом этот период страшной разрухи называли хрущевским волюнтаризмом, и всё на него списали. Спросить бы: а где были, где прятались другие бойцы партии, члены Политбюро, верные ленинцы, стоящие на страже народных интересов? Русская деревня пострадала больше всего. Её и без того полупустые закрома Центр обчистил до последнего колоска. Народ к весне того

года выкапывал на полях остатки прошлогодней подгнившей картошки и кое-как питался. Помню: дома у нас в чулане — пустота, мать скребла по сусекам и каким-то чудом выскребала что-то похожее на еду. Мы — вся многодетная семья, ходили по углам — совершенно голодные.

Как-то мама мне сказала:

— Паша, ты — старший сын. Прошу тебя: сходи на рыбалку, постарайся принести чего-нибудь. А то помрём ведь все.

— Мама, не клюет чичас ничего. Апрель стоит. Лёд только сошел. Воды в реках полно. А на мори воды не видно. Тоже лёд...

Мама ответила мне тогда:

— Знаю я всё это, Паша. Знаю. Но ты сходи. Ты у меня удачливый рыбачок, Пашуня. Может, чего и клюнет тебе...

Мне было уже десять лет, и я очень верил в свою удачу. И я пошёл.

Приплёлся я на реку. Воды было очень много. Весенняя река несла хворост и всякий другой мусор, собранный ею за зиму. По берегам было ещё полно снега, и я, пока дошёл до цели, раз пять набирал полные сапоги.

Вот и он, Кузьминский островок. Название странное, потому как никакого острова на реке давно уже нет. Может, и был когда-то, но вместо него тут давно уже омут, где я всегда закидываю удочку. Ну, какая рыба может быть в реке на эту пору? Вода несётся как угорелая. Видно, что глубина тут страшная... Но удочку забросить надо — мама кричала. Я начал её разматывать... Кра-

ем глаза косился на омут, невольно его разглядывал.

И вот, то ли мне показалось, то ли нет – около другого берега — как бы маленький взрыв на поверхности. Так бьёт хвостом крупная рыба!

Не могло этого быть! Откуда? В такой дикой круговерти воды... весной. И вот надо же! Опять – всплеск хвоста, уже отчётливый. Лихорадочно бросил туда удочку. Крючок не долетел – слишком далеко. Только потом подумал: «Там же хищник плещется, значит, наживка должна быть под хищника... Какая? Где её взять? Малька не достать сейчас... Какой малёк в такую пору? Дальше всё пошло, как в нереальном, сказочном сюжете.

Увидел я вдруг маленького лягушонка, прыгающего в траве прямо около уреза воды. Знал я, что хищная рыба очень интересуется лягушками. Быстро приспособил эту живность к своей удочке и забросил в направлении жирующей рыбы. Лягушонок плыл по самой поверхности, и его я прекрасно видел. И тут он пропал. Пару секунд я соображал, куда делся-то? И вдруг удочка едва не вылетела у меня из рук, с трудом успел я перехватить выскальзывающее из рук удилище.

Сразу вытащить крупную рыбу мне не удалось. Рыбина была тяжела и очень активна. Она металась, пытаясь освободиться от крючка, и потихоньку затаскивала меня в воду.

Что там говорить: я был совсем ещё мал, и рыбе не составляло большого труда справиться со мной. И я в самом деле не знал, что же делать в такой ситуации? Инстинктивно я опустился на колени прямо на сырой песок и, стоя так, буквально вгрызся в него ногами и одной рукой. Другой рукой держал леску, намотанную на запястье. Рыба билась и дергала моё тело сначала довольно сильно, потом, уставшая, успокоилась. Я подвел её к берегу и двумя руками выбросил на прибрежный песок.

Это была щука, длинная и толстая.

Отец хвалил меня крайне редко. И тут, когда я принес домой ту большую щуку, он и не хвалил меня совсем, лишь довольно крякал, просил ещё раз пересказать моменты борьбы с ней. И в глазах его проблескивали искорки семейного счастья. И, когда хлебали уху, тут уж все громко радовались, в доме поселился восторг, и не уходил он из нашего дома ещё много времени. Семья получила передышку в угнетавшем всех нас голоде. А после того радостного для меня ужина отец подошёл ко мне и тихо, как бы ненароком, произнёс:

— Спасибо тебе, сын.

Я знал, что получил высшую похвалу от своего отца.

Раньше я не относился к этому с должной серьёзностью, но теперь хорошо понимаю: и отец мой и мать моя были великими педагогами.